

НА МОЕИ памяти, пожалуй, ни один артист не имел такого «зрительского впечатления». Конечно, Леша Веселкин одарен. Но пока — не более. В Центральном детском театре есть и не похуже. А уж до взрослых, больших мастеров, семь верст киселем. И тем не менее такого «приятного зала» не припомню.

Он для ребят — «наш человек на сцене». Они даже ухитряются с ним из зала переговариваться. А уж после спектакля, на аплодисментах, идет просто прямой контакт. Он не раскланивается, он с ними разговаривает. Они отвечают. Он вскидывает скатый кулак, они издают вопль восторга. Он для них свой. И я, который на дух не принимает кишащую, истеричную толпу на рок-концертах, вдруг почувствовал в этих бурных воплях трогательную, безоглядную доверчивость.

Пьесы Юрия Щекочихина привели на сцену папанов. Развязных, но скованных. Беспардонных, но беспомощных. Грубых от застенчивости, самонадеянных от неопытности. Вот их-то Леша Веселкин и играет. Признаюсь в наивности — я принял его за них. Ну, знаете, как в кино бывает — изображает самого себя. И запланировал с Лешей встретиться. Так сказать, познав его, через него познать их.

Ах я — Аким-простота! Ну как можно спутать Пигмалиона с его Галатеей!

— Алексей, ваш основной зритель — люди в возрасте примерно до 17 лет. В дальнейшем, не оговаривая, будем иметь в виду «беспокойную часть» этого населения.

— Вы определили целую «часть», но ведь эта «часть» совсем не однородна. Тем не менее ее объединяют агрессивность, неприятие на них не похожего. Вот в этом она, пожалуй, действительно однородна.

Как-то пошел в кинотеатр. Сидят кучками, девчонки-пигалицы у папанов на коленях. Хохочут, когда на экране убивают. Я им не понравился — куртка пестрая да еще носки белые. А они сиене-коричневые, цвета болоньи. Этого вполне достаточно, чтобы после сеанса отлупить.

А возле метро «Щербаковская» я как раз уже «пестрым» не понравился — нос, ботинки, походка.

Как-то ночью шли с девчонками, напоролась на «рокеров». Слезает с мотоцикла, в руках цепи. И вопросик: «Наши тут не проезжали?» И такая уже на все готовая злоба.

— Монотонные, однако, у них развлечения.

— Монотонная вседозволенность. А вы знаете, откуда она?

— Знаю. От невежества. — А откуда невежество? — Тоже знаю. Но не откуда, а от кого...

— Понимаете, разнузданность — это результат. Причина — неприкаянность. С интеллектом небогато, ближайшее, что приходит в голову, — побужить, повывалять друг друга. И ничего интереснее, чем унижить человека, они придумать не могут. Эдакое коллективное суперменство над случайным прохожим.

— И вот такие ребята приходят к вам в театр?

— «Рокер», конечно, тоже способен оказаться в театре. И даже без мотоцикла и цепи на запястье. Но у нас все-таки своя «паства». В кино мо-

шампанским и фруктами. И они до утра там проговорили, музыку слушали. Мне было 9 лет, я думал — папа чудит.

Они умеют стремиться понять друг друга, понять другого человека. Меня, например.

Знаете, что в них очень важно? Они не любят обыденности.

— Да, я понимаю. На земле многие беды происходят от тоски.

— А вот школа делала достаточно, чтобы меня разрушить.

В 6-м классе я сказал, что моя любимая газета — 16-я страница «Литературки». Училка собрание устроила: «Всем интересно, что в мире происходит, а этот...» Потом

сти — человек. В отдельности. Без этого невозможно.

Помню, я познакомился в компании с девчонкой лет семнадцати. Намазана, накрашена, одета черт-те как. Хорохорится, грозится в «путаны» пойти. Пригласил ее к нам в театр. Пришла нормальная девушка, чистенькая, хорошенькая. Даже тихая. Стала ходить на наши спектакли... Когда они все вместе на той же дискотеке, до них не доберешься. Их надо поодиночке освобождать.

Кстати, дискотеки — это беда. Чувство стада, такие все одинаковые, танцуют одинаково. 120 ударов в минуту — и больше ничего.

Раньше в школах под свой ансамбль танцевали. Я на ги-

чески не встречал. Честно говоря, еще не так уж и давно мне нравились «самостоятельные» девчонки... Нет, женщина все-таки должна возбуждать в мужчине желание защитить ее. Так что если у вас есть на примете тургеневская девушка... Впрочем, едва ли я ей понравлюсь. Опоздал на сто лет.

— Ну в вашем возрасте сто лет — не срок.

— Нет, я все-таки ближе к брейку, чем к тургеневским девицам. Понимаете, брейк-данс на фоне монотонной серости возник, как завораживающее видение. Тут ведь надо уметь, личность, если угодно, нужна, логика поведения тела. Это, конечно, не культура, но способ

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ЛАСКА?

жко заглянуть от нечего делать. А в театр надо «идти». К нам идут пусть даже с неосознанной надеждой — что-то получить. Для души.

— Но душа есть у каждого. Правда, не у каждого она находит себе применение.

— Так ведь душу надо помянуть, дать ей, как вы говорите, применение.

Вот у вас есть работа, семья. Вы на все это ворчите, но это же увлечение вашей жизни, ее смысл. А что есть у папана? Вышел он из своей квартиры, а дальше? Ну куда ему податься? Те, что потише, возвращаются к телевизору. А те, что не потише? Вы думаете, они идут в платное фигурное катание? Жизнь девать некуда!

— Ну насчет «жизни» и многие взрослые маются.

— Взрослые осмыслительнее. У них есть жизненный опыт. А он диктует человеку категорию совести, совестьливости.

Ребята не то чтобы бессовестны, но в них нет еще воспитания опытом жизни. В них нет чувства беды, которую они могут принести другому человеку. Да, в ребятах есть опасность! Но паниковать не стоит. Как говорится, перебесятся. Надо пройти и через это.

— Не трогайте во мне бубонную чуму, отлежусь? А вы-то сами, простите, «перебесились»?

— Не без того.

— И почему вы не стали наркоманом, поддававшись, хулиганом?

— А потому, что у меня мама и папа, какие они есть.

У меня родители — эстрадные артисты. Все время в разъездах, часто порознь. Папа всегда встречает маму на вокзале. Мама как-то приезжала поздно ночью. Папа провел на лоджии электричество, поставил туда столик с

задали нам сочинение на тему: «Они сражались за Родину!» Я написал: «Я не знаю, когда родилась Зоя Космодемьянская, но спасибо им всем за то, что живы мои родители, живы мы все».

Опыт собрание, хотели из комсомола выгнать. За что? Мальчишке необходимо понимание. Он ведь сам еще не понимает, а взрослый уже не понимает.

И потом, знаете, папану нужна ласка.

— Кажется, мы добрались до главного?

— Я не говорю, что это — главное.

— И напрасно.

— Пожалуй, вы и правы... Нас в «щукинке» вел Юрий Васильевич Катин-Ярцев.

— Это удивительнейший человек!

— Не то слово! Мы его «мамапапа» называли. Он уютный, как утка. Он из нас семью сделал. Есть ведь в человеке поле нравственности, ну как электрическое поле.

А ведь мы были тяжкий подарок. Самовлюбленные, ранимые. И я вам скажу, жестокие. Помню, мы одного способного парня всем курсом решили исключить из училища. Он действительно провинился. Но, боже мой, что было с Юрием Васильевичем! Я только потом понял, что ему стало больно за нас. Мы-то все в народные артисты готовились. А он нас в люди готовил.

— А вы знаете, что у него есть многолетний дневник? И там каждый из вас записан: кто куда поехал работать, кто женился, у кого дети, кто где сейчас? И какие-то свои сердечные пометы.

— Нет, не знаю. Это надо же! Дневник?

Сейчас-то я понимаю: мы для него были не просто коллектив, а каждый в отдель-

но играл. Готовились к вечерам, чего-то придумывали, чего-то доставали, чего-то пали. В этом было нечто домашнее. А дискотеки все развалили, в танцующее стадо превратили.

«Рок» стал просто коммерческим предприяттием. Все обложилось аппаратурой, все ансамбли подряд называются «рок-группа». Разнообразие обернулось тягостным единообразием. Что-то понимание потянулось обратно к битлам.

Был у меня период увлечения «металлом». Но это скорее от неожиданности. Очень он, конечно, вздрючивает, «ударяет по папке», просто биологически воздействует. Но ведь он же примитивен, наступательная, однообразная музыка. Вот «хард-рок» — способ существования. А «металл» — это лишь дизайн жизни. Наркотик!

Пошли разговоры о советской рок-культуре. Я для этого оснований не вижу. Все же привнесенное, чужое. Ну представьте себе, что негр поет русскую песню в русской ковсоротке. Дивергент! Мы с Запада копируем даже внешнюю сторону.

— Все это от меня далеко, но я не настолько не понимаю рок, чтобы не понимать, что я его не понимаю. Вместе с тем из ваших слов явствует, что не все и тут ладно. Не слишком ли разнообразно это «и тут неладно»?

— Знаете, на ошибках учатся.

— О чем-то из «ошибок» сожалеете?

— Да нет, пожалуй... Единственное, надо было родителей поменьше огорчать, бережней надо быть.

— Простите любопытство: как вы относитесь к тургеневским девушкам?

— К тургеневским?! Как к марсианам — я их практи-

чески не встречал. Да, это некоммуникабельность, одиночество. Знаете, почему темные очки и белые перчатки? Потому что глаза и руки — это самое живое в человеке. Изолирую их, становясь как бы манекеном. Знакомость! Я вроде бы общаюсь, а в контакт не вхожу. Как в темных очках на улице: я всех вижу, а меня никто не видит. Брейк — это уход от дискомфорта.

— Куда?

— На это трудно ответить. То ли куда-то, то ли в себя. Если бы знали, куда «уйти», все бы повалили.

— Ну, вы на манекен слабо похожи.

— Я догадываюсь. Но ведь брейк — это игра.

Отец мне рассказывал, что у них во дворе были отчаянные состязания стэпа — чечетчиков Толпы посмотреть собирались, как папаны лихо чечетку стучали. Ну чем не брейк? Ничто не ново под луной. «Папа, — спросил, — а куда «стэпы» подевались? Постарели что ли?» «На войну ушли, поубивало». Так вот просто и ответил.

— Да, вопрос, что людей. Не меньше. Но, несмотря на многомиллиардный коллектив, каждому приходится решать и в одиночку: как надо, как не надо?

— Конечно, каждый как бы из кристалликов складывает некое свое мироздание. Вот каждым и надо дорожить, он ведь замысел природы.

...Оказывается, я хорошо понимаю этого Алешу из далекого от меня поколения. Как прекрасно, что он еще молод, у него есть время.

Э. ГРАФОВ.